Электронный философский журнал Vox / Голос: http://vox-journal.org
Выпуск 17 (декабрь 2014)

Лохматые брови и неистовые глаза Эфроимсона. К 25-летию со дня смерти

Неретина С.С., ИФ РАН, Москва

Аннотация: 25 лет назад умер «неистовый» Эфроимсон, первый генетик человека, которого интересовала, помимо собственно профессиональных проблем, связанных с генетикой, проблема феномена гениальности, который он пытался объяснить с генетико-медицинских позиций.

Ключевые слова: репрессии, альтруизм, гений, подагра, туберкулез, синдром Марфана, синдром Морриса, генетика.

I

Однажды я пришла домой к себе на Сретенку и увидела необычное зрелище: за столом в нашей столовой – полутемной комнате - сидел, как мне тогда показалось, какой-то хулиганистый ребе и лучезарно улыбался, сверкая глазами, почему-то показавшимися голубыми, и сдвинув при этом брови. Вверх торчали два вихра, делавшие его похожими на Моисея с «рогами» работы Микельанджело. Он мне обрадовался, будто родной, а я почему-то не застеснялась. Случилось так потому, что сразу, как бы внезапно, я поняла, что передо мной сидело *событие.* Большое, занявшее все кресло, яркое, менявшее жизнь. Событие случилось потому, что у него возникло дело к моему тогдашнему мужу, работавшему в отделе публицистики журнала «Новый мир», а после я узнала и какое дело: они редактировали работу Владимира Павловича (событие звалось Эфроимсоном), которая впоследствии вышла под названием «Родословная альтруизма». Название принадлежало не Эфроимсону, а редактору, который тоже был изумлен этим событием и потому выплеснул название как бы само собой, как имя этой радости. Работали громко. Владимир Павлович ругался, что эти литераторы все только портят, вот, заставили его менять структуру текста. Муж был спокоен (его вообще было трудно вывести из себя, мне за нашу некороткую жизнь удалось это однажды, но я сильно постаралась). Он доказывал ему свою правоту, объясняя, что читатель должен понять красоту и блеск того буржуазного учения, каковой до недавних пор считалась генетика. Это и получилось: с тех пор Эфроимсонову «Родословную» не знал только ленивый. Эфроимсон, хотя и ругался, но понимал, что в то время ему надо было застолбить свой труд, и он, хотя и «скрипя

сердцем», как считал мой сын, к которому Владимир Павлович присох, все же соглашался. При этом тех, кто сейчас насупит брови, вспомнив, что это происходило в суровые советские времена, когда редакторы выламывали руки авторам, я хочу огорчить: никто Эфроимсону не выламывал рук, наоборот, пытались максимально точно передать его мысль, да и «перестройка» касалась небольшой, но важной для прояснения мысли перекомпоновки его огромного текста, из которого надо было выбрать основное специально для журнала. Впоследствии я наблюдала то же в том, как строил свои доклады другой мой муж, Александр Павлович Огурцов: «Чтобы было более жестко, - говорил он, - начну с конца».

II

Владимир Павлович Эфроимсон (21 ноября 1908 – 21 июля 1989) родился в Москве в доме страхового общества «Россия» на Лубянке, 2, где через некоторое время обоснуется печально известный дом ЧК, затем Комитета государственной безопасности. На сайте «Этология.ру» С.Э.Шноль (я здесь в основном опираюсь на написанную им биографию Эфроимсона) привел знаменательный факт из его жизни. Во время первого ареста в конце 1932 г. следователь кричал Эфроимсону: «Да знаете ли Вы, где находитесь?!», и тот ответил: «Знаю. Я дома, а вы?».

В 1925 г. Владимир Павлович поступил на естественное отделение физико-математического Московского университета и стал учиться генетике у Н.К.Кольцова, С.С.Четверикова, М.М.Четверикова, Г.О.Роскина и др., став в результате «первым генетиком человека», как назвал его Б.Л. Астауров. В 1929 г., когда начали публично клеймить Четверикова, которого в результате арестовали и сослали, студент Эфроимсон начал защищать его. В результате его выгнали из университета, ректором которого в то время был печально известный А.Я.Вышинский. К тому времени он, однако, успел сделать несколько значительных работ, на которые сослался Кольцов, пытаясь его восстановить в университете. Одна из них касалась зависимости числа летальных мутаций у дрозофилы от дозы рентгеновского излучения – исследование, которое потом удалось провести и проанализировать в Берлин-Бухе Н.В.Тимофееву-Ресовскому с коллегами. Отстоять Эфроимсона не удалось, и он до конца жизни оставался без университетского диплома, что не помешало ему защитить диссертации.

В 1930 г. Владимир Павлович работал над генетикой тутового шелкопряда в Северо-Кавказском институте шелководства, а в 1932 г. - в Медико-генетическом институте, созданном С.Г.Левитом. Но вскоре он был арестован за участие в работе «Вольного философского общества» (он его называл «Обществом вольных

философов», скорее всего, так и было, поскольку он кратко именовал его «Вольфилом»), членом которого Владимир Павлович не был и более трех лет не посещал его заседаний. Однако следы его посещения этого общества сохранились в статье «Родословная альтруизма», которая имеет подзаголовок «Этика с позиций эволюционной генетики человека». Истинной причиной ареста, разумеется, было выступление в защиту Четверикова. Нам, однако, надо отметить этот эпизод, показывавший силу самого этого общества и его связь с естествознанием.

В.П. был осужден на три года лагерей, вышел на свободу в 1936 г., не имея, напомню, университетского диплома (сейчас это стало бы предметом анализа диссернета), работал в Среднеазиатском институте шелководства в Ташкенте. Но его, который, как сообщает Шноль, работал по 18 часов в сутки, довольно скоро уволили с работы «за малую эффективность научной работы». Он нашел ее на Украине. За несколько дней до войны защитил кандидатскую диссертацию, прошел всю войну, а затем защитил докторскую диссертацию, но степень ему присудили лишь в 1962 г., после новой отсидки и реабилитации. В 1949 г. он стал, что называется, «повторником»: его снова арестовали, во-первых и формально, за письменный протест, который он выразил командованию, увидев насилие советских солдат над мирными жителями Германии, а во-вторых, за борьбу с Т.Д.Лысенко, «идеи» которого заполнили нашу жизнь настолько, что дети той поры (знаю это по личному опыту) кричали во дворах песню на мотив песни из «Кубанских казаков»: «Ой, цветет картошка и зеленый лук, // А на той картошке колорадский жук. // Он живет, не зная ничего о том, // Что Трофим Лысенко думает о нем…».

Об Эфроимсоне писал А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», опубликовано стихотворение Вадима Попова «Лагерный университет»:

Подогретый общим интересом,
На грядущий неспокойный сон
Нам читает лекции профессор.
Он теперь – зека Эфроимсон <…>
Пусть друг друга раньше мы не знали
И судьбы хотели мы иной.
Но в своем интернационале
Связаны до прочности цепной.
И сидим на лекциях на этих,
Впитывая каждый взгляд и звук.

Нам читает лекции генетик –

Доктор уничтоженных наук.

Джезказган, 1953[1].

После лагеря его никуда не брали на работу. Выручила М.И.Рудомино, которой удавалось брать в штат Библиотеки иностранной литературы репрессированных, а Владимир Павлович к тому же знал несколько иностранных языков. В 1961 г. он написал книгу «Введение в медицинскую генетику», опубликованную, однако, три года спустя. В 1967 г. В.П. стал заведовать отделом генетики Московского института психиатрии Минздрава РСФСР. Но в 1975 г., после выхода серии статей и книги «Генетика олигофрений, психозов и эпилепсий» (в соавт. с М.Г. Блюминой), его «ушли» на пенсию. Последние годы он работал профессором-консультантом в Институте биологии развития им. Н.К.Кольцова, написав огромное количество работ, которые никто не брался публиковать. Лишь «Биосоциальные факторы повышенной умственной активности» были депонированы в ВИНИТИ (№ 1161) в 1982 г.

III

Меня он допекал знанием истории. «Вот вы думаете («вы» - это не я, а «вы» вообще, кто-то), вот вы думаете, что лозунг “ни мира, ни войны” Троцкого пустой?» И пока я соображала, о чем речь, он вскидывался – не с кресла, речью вскидывался: «Ан нет. Троцкий знал, что делал. Он знал, что выставленные германские войска в России – *все* войска, дальше ничего нет. Пустота. Фикция войска». Когда забывал фамилии, говорил: «Меня в 1934-м бил следователь, осталось странное свойство памяти: помню всё, кроме имен». Я смеялась: «Владимир Павлович, меня никто не бил, а я тоже забываю». Мне было около 30-ти. Я с удовольствием из биографии С.Э.Шноля узнала, что В.П.предложил ему и его брату «взять на сохранение рукописный экземпляр книги, посвященной политическому и социологическому анализу дореволюционной и послереволюционной истории нашей страны». И сожалею, что рукопись не издана.

Он рассказывал, что против Т.Д.Лысенко выступил едва ли не первым, он настойчиво писал против него письма в разные организации. Сейчас обо всем этом (впрочем, крайне скупо) можно прочитать, но в начале 1970-х было удивительно слышать это из уст самого участника страшной сотворенной с нами историей. Он: «Ну, я (антисоветчик) – ясно, откуда, посидишь с моё… А вот откуда вы такие взялись?» Я, смеясь: «Да из комсомола, Владимир Павлович, из комсомола. Там же заповеди: быть

[1]См.: *Кешман Е.А. «*Я для людей. А не люди для меня». К 100-летию В.П.Эфроимсона // Вестник ВОГиС. 2008. Т. 12. № 3. С. 307.

смелым и честным…». Он, почему-то хитро, мне кивал, не преминув заявить, что и он – материалист, хотя я никогда себя таковым не считала. У нас всегда был несколько странный, вкривь и вкось идущий разговор, как правило, за чаем, который обоим нравился. Он знал, что наш сектор методологии истории в Институте всеобщей истории АН СССР, где я работала, разогнали, и мы с ним в некотором смысле и некоторое время были в одном положении. Относился к этому (к разгону) как к чему-то само собой разумеющемуся: ну, какая могла быть методология в марксистской стране. Как еще возник-то! Но внимательно слушал про историю с А.И.Некричем, приведшую к расколу прежде единого Института истории на два: отечественной истории и всеобщей, к рассказам об обсуждении книги «Проблемы истории классов и классовой борьбы», которую собирал и редактировал М.Я.Гефтер: на одной из проработок я делала записи, и меня попросили закрыть блокнот, потому что не хотели, чтобы осталось письменно зафиксированное признание, что проработка ведется не из соображений научности, а из политико-идеологических соображений не допустить книгу к изданию, хотя она уже прошла верстку: Гефтер вставляли листы-простыни в свою статью, которая потом вышла в «Новом мире» и которую редактировал Ю.Г.Буртин. Пришлось запоминать наизусть. Потом он столь же внимательно расспрашивал про Лину (Лину Борисовну) Туманову, которая за диссидентскую деятельность попала в тюрьму. Поскольку я носила ей передачи в Лефортово, он мне посоветовал, как осторожно вскрывать пачки овсяного печенья, вымачивать его в мясном бульоне, затем осторожно пачку закрывать. Потом о той же процедуре я узнала от Лининых знакомых и удивилась живучести зэковских хитростей.

Разговор касался чаще всего гениев и гениальности. В то время для него это была важная тема. В загашнике была книга о природе гениальности, и я счастлива, что мне первой в журнале «Природа» удалось опубликовать то существенное, что он приносил сам. В «Природу» я попала случайно. После разгона сектора методологии истории я некоторое время работала в издательстве «Прогресс» в редакции, которую возглавлял Лен Вячеславович Карпинский. Когда его с сотоварищи исключили из партии за то, что они хотели реформировать советскую власть (а они все знали, как она действует, потому что, Лен во всяком случае, служили в ЦК ВЛКСМ, в газетах «Правда» и «Известия»), я снова оказалась не у дел. В то время писатель С.Е.Резник, работавший в «Природе», решил эмигрировать в Израиль. Он порекомендовал меня на свое место заместителю главного редактора «Природы» Владимиру Матвеевичу Полынину, который написал и в 1969 г. издал книгу «Мама, папа и я». Он очень

обрадовался, узнав о моем знакомстве с Эфроимсоном и попросил «раздобыть» для журнала какой-нибудь материал от него. «Материал» и был о природе гениальности. Он был огромен, надо было что-то из него выбирать и как-то выбранное компоновать. И снова при редактировании Владимир Павлович был недоволен, потому что я использовала старый «новомировский» метод. Наши задачи с В.П. были разными. Он преследовал одну цель: опубликовать то, что считал очень важным не только для себя, но и для человечества – мерил такими категориями! А я – три: во-первых, надо было, чтобы образованный читатель, а «Природа» была рассчитана на читателя-профессионала в какой-либо области знания, внял доводам Владимира Павловича, во-вторых, надо было убедить Владимира Павловича, что предлагаемая редактура улучшает восприятие текста (я помню, что в первой публикации мы вначале поместили всю теоретическую часть, а потом панорамно выделили примеры), в-третьих, надо было все-таки найти способ опубликовать этого самого Эфроимсона, ибо противников *его* решения вопроса гениальности, зависящего от человеческих болезней, от генетически образованных структур личности (подагры, которая стимулирует трудолюбивый «долговременный» тип гениальности, туберкулеза, стимулирующего «взрывной» тип, гиперадреналинемии (синдром Марфана) и синдрома Морриса, т. е. тестикулярной феминизациии пр.) было гораздо больше, чем сторонников. Даже более: сторонников было раз-два и обчелся. Был отрицательный отзыв А.В.Яблокова, что нас удивляло, потому что мы тогда уже смотрели на Яблокова как на величину положительную во всех отношениях. Кто-то требовал от Эфроимсона современных данных статистики. Он отбивался: сейчас научились лечить эти болезни, потому статистика – слабый помощник. Но упорно продолжал выписывать на карточки патографии людей, страдавших этими болезнями. Он постоянно сидел в Ленинской библиотеке, где его можно было встретить почти наверняка. Его картотека была огромной, карточки в то время вываливались из карманов, у меня осталось несколько. Я от него столько раз слышала, что при подагре «активно работающий мозг способствует усиленному образованию мочевой кислоты и, таким образом, возникает умственная активность», что в статьях, которые начали выходить в 1990-х, я почти безошибочно опознавала место, где это было написано. И вот странность: в 1990-е годы, когда уже не было надобности для него писать о социо-культурных характеристиках личности, он начинал именно с них. Тогда мы начали (уже спокойно) публиковать его в «Вопросах истории естествознания и техники».

Меня это мочекислотообразование в свое время поразило настолько, что я сводила к нему разговоры с моими коллегами и приятелями. Ведь он, как о своих пациентах, говорил о Карле Мартелле, Пипине Коротком, Карле Великом, Жанне д'Арк, которые мне тоже были родственны: я – медиевист и несколько ревновала его к знакомству с такими известными персонами. Если учесть, что откуда-то он раздобыл данные о подагре Приама, Ахилла, Одиссея, Беллерофона, Эдипа, Гиерона Сиракузского, что сильно приземляло этих героев в моем мнении, то иногда чудилось, что мнение иных из тех людей, которые из-за этого становились противниками Эфроимсона складывалось из зависти к его близкому знакомству с людьми, формовавшими наш мир. Подумать только: Ахилл-подагрик!

Как-то случайно мы на лестнице ИНИОНа, когда он был еще на Якиманке, столкнулись с Ренатой Гальцевой и Ириной Роднянской, и Роднянская просила меня передать ему привет (она находилась с ним в отдаленном родстве), одновременно поинтересовавшись, чем он сейчас занимается. Я, как заведенная, начала рассказывать о подагре и образовании мочевой кислоты. Ирина, театрально хлопнув себя рукой по лбу, изрекла: «Моча в голову ударила!». Этот суперпростой вывод меня сразил так же, как в свое время упоминание о значимости образования мочевой кислоты, и я прекратила мучиться, внутренне похохатывая.

В то время я участвовала в семинаре «Диалог культур», который вел В.С. Библер. С ним мы вместе работали в секторе методологии истории у М.Я.Гефтера. Разумеется, считая Библера выдающимся философом, я потащила к нему Эфроимсона, чтобы познакомить его с «живым» неподагрическим гением. Эфроимсон пошел. Библеру его идеи ко двору не пришлись, поскольку Эфроимсон ни слова не говорил об авторстве, произведении, мышлении как творчестве: его интересовали только генетические сдвиги, которые вели, как он считал, к тому же, о чем говорил Владимир Соломонович, но «правильнее» и «непосредственнее». Но все же оба Владимира понравились друг другу. Владимир Павлович сказал: «Гений-не гений, но что-то гениальное в нем есть». И хитро блеснул глазами.

Мы с ним дружили до конца его дней. Он рассказывал о чудесах старения: люди, у которых был сильный склероз (он говорил гораздо более смачно), вдруг начинали произносить слова, которыми никогда не пользовались в «нормальном» состоянии, а попросту - матерные. Во время Перестройки он стал словно бы гореть, как будто приблизился к чему-то важному и нужному. Именно тогда я и пригласила его в журнал «Вопросы истории естествознания и техники», куда перешла из «Природы» и

где два года выполняла обязанности ответственного секретаря. В этом журнале 1989 год был *его* годом, поскольку там печатались его статьи «О Лысенко и лысенковщине». Потом в стране начали выходить одна за другой книги с разоблачениями культа Сталина. Он даже притих – так велико было его внутреннее напряжение. У меня осталось в памяти, будто он приходил к нам в «Вопросы» почти каждый день. Те, кто знал его, может быть, ближе, наверняка чувствовали это напряжение. Оно видно было, как только в коридоре появлялась его кепка, лохматые брови и развевающееся пальто. Рецензию на книгу Анатолия Рыбакова он вручил мне в библиотеке Ленина. Мы даже не вошли в нее. Мы устроились на подоконнике большого окна у входа в Отдел редкой книги. Он вносил правку карандашом, а я почему-то волновалась, стоя рядом и смотря, как карандаш летает по строчкам. Фактически это было последний раз, когда мы виделись. Затем было – кладбище. Владимир Павлович умер накануне нашей с Александром Павловичем Огурцовым свадьбы. На второй день я пришла в «Природу», узнала, когда похороны. Все словно затихло. На похоронах я затерялась где-то во втором ряду, боясь разрыдаться вголос.

Я надеюсь, что то волнение Перестройки передастся молодым ребятам, не знающим «негативного опыта» лагерей, кровавых полей войны, на которой был фельдшером Владимир Павлович, я употребила слова «кровавые поля» не в качестве красивенькой и ходовой метафоры. Как-то раз я попала в больницу им. Н.В.Склифософского с анафилактическим шоком. Случайно, играя с сыном, разбила о ненароком открывшуюся дверь бровь, побежала зашивать ее в эту больницу, где мне зачем-то вкатили три укола противостолбнячной сыворотки. Эфроимсон приходил разговаривать с врачами, что-то им советовал, а мне почти кричал, что на фронте они не кололи эту сыворотку даже когда тащили по земле раненого, если видели, что рана поверхностна. Может быть, я сейчас перепутала какие-то детали, но суть в том, что он всегда кого-то спасал. И этой рецензией спасает мозги тех, кто озабочен вернуть страшную, как говорят, «традицию».

Краткая библиография В.П.Эфроимсона:

Введение в медицинскую генетику. М.: Медицина, 1964 (1-е изд.), 1968 (2-е изд., испр. и доп.).

Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10.

Иммуногенетика. М., 1971.

К биохимической генетике интеллекта // Природа. 1979. № 9.

Генетика олигофрений, психозов, эпилепсий. М., 1978 (в соавт. с М.Г.Блюминой). М., 1978.

О Лысенко и лысенковщине // ВИиЕТ. 1989. № 1 – 4.

Генетика этики и эстетики. СПб., 1995 (2-е изд. М., 2004).

Гениальность и генетика. М., 1998.

Предпосылки гениальности. (Биосоциальные факторы повышенной умственной активности) // Человек. 1997. № 2 – 6; 1998. № 1.

Генетика гениальности. М., 2002.

Педагогическая генетика. М., 2003.